

Тема: «Протестные настроения: аналитика»

ДУДИН Михаил Николаевич — доктор экономических наук, профессор; заместитель директора Института проблем рынка РАН (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 47; dudinn@mail.ru); Scopus Author ID: 55961173100; Researcher ID: J-9510-2014; <http://orcid.org/0000-0001-6317-2916>

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: КРАТКИЙ ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Автор проводит эмпирический анализ протестной активности населения России, начиная с распада СССР, образования на постсоветском пространстве независимых государств и до настоящего времени (декабрь 2021 г.). За исключением последних протестов, все остальные акции имели политическую субъектность как в виде правых, так и левых коллективных акторов. Вместе с тем все без исключения значимые протесты в современной России были хорошо артикулированы, но, как правило, не были поддержаны представителями в федеральной или региональной исполнительной власти. Кроме этого, следует обратить внимание, что медийное освещение протестов правого толка было минимальным и выставляло протестующих в негативном ракурсе (в государственных СМИ). Медийное освещение протестов левого толка тоже было минимальным и преимущественно нейтральным.

Эмпирический анализ протестов в современной России предпринят во взаимосвязи с уровнем жизни. Автор обосновывает, что в России политический протест может быть связан прямо и обратно с уровнем жизни населения. При этом прямая связь (чем выше уровень жизни, тем выше протестная активность) обычно отражает протест, основанный на ценностях самовыражения, а обратная связь (чем ниже уровень жизни, тем выше протестная активность) отражает протест, основанный на ценностях выживания. Используя терминологию Р. Инглхарта и соавторов в World Values Survey, можно заключить, что протесты правого толка основаны на ценностях самовыражения и приоритете секулярного общественного устройства, в то время как протесты левого толка основаны на ценностях выживания и приоритете традиционного общественного устройства. К последним относятся и протесты осени и зимы 2021 г. В статье предложены системные решения, которые позволят вести эффективную работу с протестными настроениями российского населения при условии неуклонного роста уровня жизни российских граждан.

Ключевые слова: протест, политика, общество, уровень жизни, ценности жизни, население

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-011-31768 по теме «Влияние общественно-политического дискурса изменений качества жизни на протестную активность населения».

Введение. В текущей российской действительности политические протесты стали объективно невозможными по двум основным причинам: во-первых, из-за санитарных ограничений, связанных с эпидемией COVID-19, во-вторых, вследствие жесткого, а в отдельных случаях — жестокого подавления протестов и последующего не только административного, но и уголовного преследования протестующих.

Вместе с тем, как показывает практика, запрос на протесты в обществе сформирован и получил возможность своего выражения, в частности, в виде относительно массовых и географически распределенных выступлений против обязательной вакцинации и против введения QR-кодов, обязательных для посещения общественных мест и для перемещения транспортом дальнего следования (в первую очередь авиа- и железнодорожным). Этот протест имеет

свои организационные особенности, в т.ч. выраженные в социально-демографических характеристиках его участников.

Накопленные к настоящему времени эмпирические данные, теоретические и методологические знания указывают на то, что протесты или протестные настроения могут иметь взаимосвязь с уровнем жизни протестующих в следующем виде.

1. Активные политические протесты обычно имеют место в обществах с высоким уровнем жизни. Такие протесты хорошо артикулированы в выдвигаемых требованиях и имеют агрегацию в виде коллективного актора или политического субъекта, являющегося носителем протестных настроений и вариантов решения проблемы, обусловившей протест.

2. Пассивные политические протесты, мимикрирующие под социальное недовольство, имеют место в обществах со средним уровнем жизни и ниже среднего. Такие протесты могут не иметь выраженной артикуляции и агрегации, не имеют предложений по решению проблемы, поскольку в них протестующие пытаются защитить свои витальные функции и одновременно косвенно выразить вотум недоверия политической власти наряду со стремлением выразить ей лояльность [Opp 2009; Snow, Vliegenthart, Ketelaars 2018; Greijdanus et al. 2020].

Здесь стоит отметить, что стремительные массовые, но спорадические протесты могут возникать и в обществах с высоким уровнем жизни, и в обществах со средним и низким уровнем жизни. Обычно такие протесты – это ответная чрезмерно бурная социальная реакция на вопиющую политическую или иную несправедливость. В таких протестах есть и политический субъект, и артикуляция требований, и их агрегация политическим субъектом (единичным или коллективным актором) [Snow, Vliegenthart, Ketelaars 2018; Greijdanus et al. 2020].

Протестные настроения в современной России¹. После распада СССР в декабре 1991 г. (т.е. в текущем 2021 г. этому событию исполнилось 30 лет) первая массовая политическая акция протеста произошла в 1993 г. (3 и 4 октября), когда сторонники президента Бориса Ельцина и защитники Верховного совета собрали в Москве 300 тыс. участников.

Это был первый политический, точнее сказать, конституционный кризис в новой России, который завершился известным расстрелом Белого дома и имел долгосрочные последствия, в т.ч. приведшие к тому, что человек, занимающий президентскую должность в России, имеет более широкие полномочия, чем это необходимо с точки зрения сдержек и противовесов, абсолютно необходимых демократической политической системе.

Принимая во внимание социально-экономическое состояние России после распада СССР, говорить о взаимосвязи уровня жизни с уровнем протестной активности не приходится. Вместе с тем протест был артикулирован и той и другой участвующей стороной: сторонники президента Ельцина выступали за упразднение советской иерархии и структуры политической власти; противники, защищавшие Верховный совет, требовали отставки президента из-за стремительно ухудшающейся социально-экономической ситуации в стране.

На стороне президента Ельцина выступало правительство России, а также небольшие группы народных депутатов и членов Верховного совета, которые представляли либеральное направление в законодательной власти. На сто-

¹ Основой для этого раздела статьи послужили обобщенные данные из ряда источников [Чувашова 2013; Макаренко 2021; Гаврилов, Морозов 2021; Enikolopov, Makarin, Petrova 2020; Easter 2021].

роне противников была сформирована массивная политическая коалиция из представителей законодательной власти (народные депутаты и члены Верховного совета), имевших консервативно-коммунистические, националистические и ультрасоциалистические взгляды. Вероятно, этот политико-конституционный кризис мог бы разрешиться мирно, если бы стороны, во-первых, пошли на взаимные уступки в ходе переговоров (и такая попытка имела место); во-вторых, если бы оппоненты президента Ельцина предпочли не использовать силовой сценарий.

Следующий политический кризис имел уже экономические причины, что вылилось в 116-дневную забастовку шахтеров возле Белого дома в Москве и, в конечном счете, привело к дефолту в августе 1998 г. Шахтерские забастовки были и до этого, но, как правило, ограничивались экономическими требованиями, такими как погашение долгов по оплате труда, включая все положенные шахтерам за тяжелый труд денежные преференции. Но в 1998 г. к экономическим требованиям добавились политические (требование отставки президента Ельцина).

Несмотря на то что протест шахтеров в 1998 г. был четко артикулированным, массовым и, в отличие от более ранних и таких же массовых протестов, агрегированным (наличие политического субъекта в виде отраслевого профсоюзного комитета, он завершился ничем. Во-первых, объявленный дефолт по основным государственным обязательствам экономически обесценил протест. Во-вторых, протестующие не имели медийной поддержки в СМИ и политической поддержки внутри исполнительной власти. Стихийные спорадические акции шахтеров были закономерным результатом критического снижения уровня жизни основной массы населения России на фоне первоначального накопления капитала и приватизации значимых, оставшихся от СССР активов новой экономической элитой.

После 1998–1999 гг. Россия более не сталкивалась с системными политико-экономическими кризисами. Поэтому наиболее заметной политической акцией в период до 2010 г. стала акция, организованная партией «Яблоко», Союзом правых сил и Союзом журналистов России в защиту свободы слова в марте 2001 г., фоном для которой послужили процессы, приведшие к национализации телеканала НТВ. Общая численность участников акции составляла 10–20 тыс. чел.

Политическая субъектность, артикуляция и агрегация у этого протеста были. Однако долгосрочных последствий акция не имела по следующим причинам:

а) сохраняющийся низкий уровень жизни основной массы населения не способствовал какой-либо значимой ценности свободы слова: протест был поддержан только представителями либерально-демократических медийных и политических сообществ, некоторыми группами только начавшего формироваться в России креативного среднего класса;

б) протест не был поддержан внутри исполнительного и законодательного российского истеблишмента.

В 2004–2005 гг. прошли акции против монетизации льгот, затронувшие и проявившие протестные настроения наиболее уязвимые категории граждан (пенсионеры, инвалиды, малоимущие). Но прежде всего следует отметить, что это был не политический, но общественный протест, который, во-первых, был массовым и территориально распределенным – имел широкую протестную географию. Во-вторых, протест, несмотря на общественный характер, имел политическую субъектность, артикуляцию и агрегацию в виде партий левого толка (КПРФ, национал-большевики). Этот протест был напрямую связан с уровнем жизни экономически и социально уязвимых групп населения. Забегая

вперед, следует отметить, что протесты 2018 г. против пенсионной реформы имели аналогичные характеристики и также были напрямую связаны с уровнем жизни, точнее сказать, с угрозой витальным функциям уязвимых групп населения.

Возвращаясь к хронологическому описанию, отметим, что следующие значимые политические протесты произошли в 2010 г. (несанкционированная акция на Манежной площади в Москве 11 декабря, поводом для которой послужила гибель болельщика ФК «Спартак» в драке с представителями кавказских сообществ) и в 2011 г. (несанкционированная акция на Чистопрудном бульваре в Москве 5 декабря, поводом для которой послужила фальсификация выборов в Госдуму). Акции, по разным оценкам, собрали от 5–10 до 30–50 тыс. чел. При этом декабрьский протест 2010 г. не имел политической субъектности, не был артикулирован и не был агрегирован, но вызвал сильнейший отклик на фоне националистических настроений, которые и тогда, и сейчас сильны в российском обществе (акции против так называемых кавказцев прошли в других городах России в декабре 2010 г.).

Акцию декабря 2010 г. сложно напрямую ассоциировать с уровнем жизни, поскольку это, вероятно, классический пример стремительного выражения протестных настроений, давно накопившихся в обществе, на фоне вопиющей несправедливости и угрозы витальным функциям людей из-за невозможности получить защиту от государства, обладающего сравнительной монополией на применение насилия в отношении тех лиц, которые представляют объективную или субъективную опасность.

Напротив, акция декабря 2011 г. и последовавшие за ней акции в 2012 г. (по май 2012 г. включительно) можно напрямую ассоциировать с уровнем жизни, поскольку не по всей России, но в мегаполисах и крупнейших городах уже сформировался средний креативный класс, для которого стали значимыми уже потребности иного характера, среди которых права и свободы человека и гражданина находятся на первом месте. Протесты имели политическую субъектность, были хорошо артикулированы и агрегированы, но не получили широкой поддержки. В провинции уровень жизни был существенно ниже, чем в Москве, поэтому там преобладали физиологические потребности, в которые права и свободы человека и гражданина не входят. Кроме того, протестующие не были публично поддержаны внутри исполнительной и законодательной власти, хотя, безусловно, молчаливое одобрение креативной и прогрессивной части истеблишмента было. Протестные настроения носили исключительно политический характер (требование сменяемости власти, пересмотр итогов выборов в Госдуму), поэтому были жестко подавлены.

Вплоть до 2017–2018 гг. протестные настроения не проявлялись в публичном пространстве, что в т.ч. было связано с сохраняющимся эффектом Крымского консенсуса 2014 г. В 2017, 2018, 2019 гг. проходили и согласованные, и несогласованные протестные акции в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных и средних городах, политическим субъектом которых выступала так называемая несистемная оппозиция. Акции были массовыми, преимущественно молодежными, поддержанными регионами, но привычно жестко подавляемыми.

Исключение – вышеупомянутые протесты против пенсионной реформы. Здесь протестный контингент был представлен гражданами среднего и старшего возраста, в т.ч. социально и экономически уязвимыми.

Суммарная артикуляция молодежного протеста 2017–2019 гг. была прежней: сменяемость власти, политическая конкуренция, включая требование борьбы с коррупцией. Решение, которое предлагалось, состояло в допуске несистем-

ной оппозиции к выборам на различных уровнях законодательной власти, а также в допуске представителей несистемной оппозиции к принятию решений на различных уровнях исполнительной власти.

В декабре 2020 г. и в январе—феврале 2021 г. протестная активность населения несколько изменила свои социально-демографические характеристики: за весь период новейшей истории консолидировано выступили представители почти всех поколений (в большей степени это была молодежь и люди среднего возраста, в меньшей степени — люди старшего возраста). Уровень жизни к протестам 2020 г. неуклонно снижался (начало этому было положено в 2013—2014 гг.), при этом стал объективно очевидным запрос на общественно-политические изменения. Протесты были массовыми, территориально распределенными, вместе с тем они были жестко подавлены.

Небольшой всплеск протестной активности имел место в сентябре 2021 г. на фоне результатов выборов в Госдуму, но продолжения не последовало, поскольку сохранялась угроза не только административного, но и уголовного преследования.

Вместе с тем протесты 2020 и 2021 гг. имели свою политическую субъектность, артикуляцию и агрегацию. Но если в конце 2020 г. и начале 2021 г. агрегация протеста была реализована несистемной оппозицией, то в сентябре 2021 г. агрегация протеста перешла к системной оппозиции в виде политических сил левого толка (КПРФ, «Справедливая Россия»).

И точно такая же агрегация протеста левого толка имеет место в акциях, обращениях, пикетах, проводимых противниками обязательной вакцинации и противниками введения QR-кодов в 2021 г. Как уже было упомянуто выше, протесты против обязательной вакцинации и введения QR-кодов имеют свои отличительные особенности:

— во-первых, это не политический, но социальный протест, обусловленный распространением обскурантизма в российском обществе;

— во-вторых, это протест, выстроенный на самоорганизации, горизонтальных связях через мессенджер *WhatsApp*;

— в-третьих, протест, имея четкую артикуляцию, не характеризуется достаточной политической субъектностью — политические партии левого толка (КПРФ, «Справедливая Россия»), ортодоксальные и консервативные общественные движения (например, «Сорок сороков») присоединяются к протесту и пытаются агрегировать его результаты постфактум;

— в-четвертых, протест имеет поддержку не только в законодательной, но и в исполнительной власти, в т.ч. такая поддержка выражается публично.

Но вместе с тем протестную активность противников вакцинации и противников введения QR-кодов не следует рассматривать континуально, поскольку внутри массива протестующих отсутствует единство мнений. Условно протестующих можно разделить на две большие группы:

1) протестующие, находящиеся на либеральных и либертарианских правовых позициях, для которых обязательная вакцинация и введение QR-кодов — это нарушение норм национального и международного права, т.е. прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. ограничение свободы выбора;

2) протестующие, которые выражают свое несогласие на основе убеждений, в основном связанных с обскурантизмом, но в эту же группу следует включать и протестующих, которые, напротив, имеют высокий уровень просвещения и не доверяют российской науке и здравоохранению.

Социологических данных о демографии протестов против обязательной вакцинации и введения QR-кодов пока недостаточно, чтобы делать конкретные выводы, но предварительно можно сказать, что протестные настроения

формируются женской аудиторией социальных сетей. Основной массив – это женщины в возрасте 40–60 лет: они сделали более 76% всех репостов (выборка составила 362 тыс. сообщений) о недопустимости обязательной вакцинации, введения QR-кодов и о необходимости проведения протестных акций, включая митинги, пикеты, оккупацию общественных мест, запись видеообращений к исполнительной и законодательной власти (преимущественно к президенту В.В. Путину) с конкретными требованиями снять с рассмотрения соответствующие законопроекты и отменить уже введенные санитарные ограничения¹.

Обсуждение и заключение. Итак, краткий аналитический экскурс по протестной активности граждан России, начиная с распада СССР на независимые государства и до настоящего времени (декабрь 2021 г.), позволяет говорить о том, что взаимосвязь между уровнем жизни населения и его протестной активностью определенно имеется, но, по всей видимости, это связь неявная, как прямая, так и обратная.

Прямая и обратная связь могут быть выражены в терминах, используемых в составлении Всемирного обзора ценностей (*World Values Survey*), следующим образом [Inglehart 2018; Haerpfer et al. 2020]. Протесты, артикулированные в виде свободы слова, свободы выбора и прав человека, агрегированные правыми политическими субъектами, выступают за ценности самовыражения в секулярно-рациональном общественном устройстве. Такие ценности и такое общественное устройство характерно для стран *WEIRD* (*western, educated, industrialized, rich, democratic* – западные, образованные, индустриализированные, богатые, демократические) [Henrich, Heine, Norenzayan 2010]. Напротив, протесты, артикулированные в виде угрозы витальным функциям уязвимых групп населения, агрегированные левыми политическими субъектами, выступают за ценности выживания в традиционно-консервативном общественном устройстве. Такие ценности и такое общественное устройство характерно для стран восточных и азиатских, менее образованных, с экстенсивной индустриализацией, относительно небогатых, как правило, недемократических либо с имитацией демократии.

Данные последнего Всемирного обзора ценностей указывают на то, что общий фон социальных, экономических и политических настроений в российском обществе тяготеет к традиционализму с доминированием ценностей выживания [Haerpfer et al. 2020]. Это позволяет сделать вывод, что в России протестная активность будет спорадической, немолодежной и обратной уровню жизни. Иными словами, чем выше будет несправедливость, ощущаемая субъективно наиболее уязвимыми группами населения или отдельными гражданами, тем выше вероятность проявления протестных массовых настроений в публичном пространстве с попыткой политического представительства и получения поддержки своих интересов в исполнительной и законодательной власти не только левого, но и правого толка.

Работа с любыми протестными настроениями (основанными как на ценностях выживания, так и на ценностях самовыражения) должна быть рационально организована во всех направлениях:

1) в политическом – через кооптацию лидеров правых протестных настроений в систему исполнительной и законодательной власти, с предоставлением всех прав на участие в принятии общественно значимых решений;

2) в информационном – через сокращение объемов обскурантной пропаганды на всех федеральных каналах и во всех СМИ с государственным уча-

¹ Архипова А. Что мы знаем о тех, кто поддерживает протесты против обязательных QR-кодов и вакцинации? 12.12.2021. Доступ: https://t.me/anthro_fun/973 (проверено 06.01.2022).

стием, а также через просветительскую естественнонаучную работу в рамках тех же каналов и СМИ;

3) в образовательном – через смещение ракурса образования в естественнонаучную и общественно-гуманитарную сферу;

4) в статистическом – через сплошной сбор медицинской статистики и публикация данных о динамике, структуре и других важных параметрах эпидемии и вакцинации;

5) в правовом – через запрет на сбор и хранение данных об использовании гражданами в общественных местах QR-кодов;

б) в социальном и экономическом – через планомерную реализацию стратегий, ориентированных на повышение уровня жизни населения России.

Список литературы

Гаврилов С.Д., Морозов С.И. 2021. Стратегии коммуникации в публичном политическом пространстве России: от интеграции до протеста. – *Право и политика*. № 2. С. 25-34.

Макаренко К.М. 2021. Несанкционированные протесты в современной России: Новая политическая реальность или разовые вызовы системе? – *Правовая грамотность как основа развития гражданского общества: сборник статей международной научно-практической конференции*. Уфа, 2021. Уфа: ООО «Аэтерна». С. 20-22.

Чувашова Н.И. 2013. Политический протест в современной России. – *Теория и практика общественного развития*. № 6. С. 1-3.

Easter G.M. 2021. Policing Protest in Russia. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 54. No. 4. P. 74-97.

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. 2020. Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. – *Econometrica*. Vol. 88. No. 4. P. 1479-1514.

Greijdanus H., de Matos Fernandes C.A., Turner-Zwinkels F., Honari A., Roos C.A., Rosenbusch H., Postmes T. 2020. The Psychology of Online Activism and Social Movements: Relations between Online and Offline Collective Action. – *Current Opinion in Psychology*. No. 35. P. 49-54.

Haerpfer C. et al. 2020. *World Values Survey: Round Seven-Country-Pooled Datafile*. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat.

Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A. 2010. Most People Are Not WEIRD. – *Nature*. Vol. 466. No 7302. P. 29.

Inglehart R. 2018. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 484 p.

Opp K.D. 2009. *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. London: Routledge. 424 p.

Snow D.A., Vliegenthart R., Ketelaars P. 2018. The Framing Perspective on Social Movements: Its Conceptual Roots and Architecture. – *The Wiley Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford: Wiley Blackwell. P. 392-410.

DUDIN Mikhail Nikolaevich, Dr.Sci. (Econ.), Professor; Deputy Director of the Market Economy Institute, Russian Academy of Sciences (47 Nakhimovsky Ave, Moscow, Russia, 117418; dudinmn@mail.ru); Scopus Author ID: 55961173100; Researcher ID: J-9510-2014; <http://orcid.org/0000-0001-6317-2916>

PROTEST SENTIMENTS AND LIVING STANDARDS OF THE POPULATION OF RUSSIA: A BRIEF EMPIRICAL ANALYSIS

Abstract. *The article provides an empirical analysis of the protest activity of the population of Russia, starting from the collapse of the USSR, the formation of independent states in the post-Soviet space and up to the present time (December 2021). With the exception of recent protests, all other actions had political subjectivity in the form of both right-wing and left-wing collective actors. At the same time all significant protests in modern Russia were well articulated, but, as a rule, were not supported by representatives in the federal or regional executive power. The author notes that the media coverage of the right-wing protests was minimal and exposed the protesters in a negative perspective (in state media). Media coverage of the left-wing protests was also minimal and predominantly neutral.*

The author attempts to analyze the protests in modern Russia empirically in relation to the standard of living and presents the fact that political protest in Russia can be both directly and inversely related to the standard of living of the population. At the same time, the direct link (the higher the standard of living, the higher the protest activity) usually reflects a protest based on the values of self-expression, and the feedback (the lower the standard of living, the higher the protest activity) reflects the protest based on the values of survival. Using the terminology of R. Inglehart and co-authors, which they used for the World Values Survey, we can conclude that the right-wing protests are based on the values of self-expression and the priority of the secular social order, while the left-wing protests are based on the values of survival and the priority of the traditional social order. The latter include the protests of the fall and winter of 2021.

The article proposes systemic solutions that will allow effective work with the protest moods of the Russian population if the standard of living of Russian citizens will show a steady increase.

Keywords: *protest, politics, society, standard of living, values of life, population*
